

В.И.Мацапура

(Полтава)

Полтавский «след» в украинских повестях Н.В. Гоголя (о влиянии В.А. Гоголя и И.П. Котляревского на творчество писателя)

Раннее творчество Н.В. Гоголя можно расценивать как апогей в развитии украинской темы в русской литературе. В свое время Н.К. Пиксанов, размышляя о взаимоотношениях центральной и краевой культур в 1820-1830-е годы, писал о «вторжении украинской волны с Гоголем на гребне» в русскую культуру [11, с.26]. Используя образное выражение исследователя, замечу, что автор «украинских» повестей оказался «на гребне» этой волны совсем не случайно. Он гениально синтезировал все, что было сделано до него в разработке украинской темы, уловил интерес к ней в русской литературе и сумел поддержать его благодаря своей наблюдательности, знанию украинской действительности и той любви к «Малороссии», которая просвечивает в его раннем творчестве.

Известно, что Н.В. Гоголь с раннего детства был окружен литературной и театральной атмосферой. Приехав в Петербург, он не случайно в одном из писем обратился к матери с просьбой прислать ему «папенькины малороссийские комедии». Вопрос о том, какой след оставили комедии Василия Афанасьевича Гоголя в раннем творчестве его сына, нуждается, на мой взгляд, в уточнении. Заслуживает более детального изучения и проблема влияния Котляревского на творчество Гоголя-отца и Гоголя-сына. Было бы удивительно, если бы это влияние не стало фактом литературы, потому что указанные писатели были земляками, современниками и создавали свои произведения, используя, в первую очередь, материалы украинской действительности. Н.В. Гоголь значительно расширил рамки своего творчества, но начинал он с повестей, в которых гениально воссоздал мифопоэтический образ «Малороссии».

Да, молодой Николай Гоголь в первом сборнике украинских повестей использовал опыт своего отца, который писал пьесы на украинском языке для домашнего театра Д.П. Трощинского. Наиболее заметный след в гоголевских «Вечерах» оставил его водевиль «Простак». В «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя» (1856) П.А. Кулиш впервые привел отрывки из комедий Гоголя-отца «Роман і Параска» и «Собака-вівця», ссылаясь на воспоминания Марьи Ивановны, матери писателя [9, с.12]. А позже – в 1862 году он опубликовал в журнале «Основа» комедию В.А. Гоголя «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом». С этого времени данный текст не переиздавался и является библиографической редкостью. Кулиш заметил некоторые черты сходства между этим произведением и пьесой Котляревского □Москаль-чарівник□. В предисловии к комедии он констатировал, что время ее создания неизвестно и что она могла быть написана раньше, нежели «Наталка Полтавка» и «Москаль-чарівник» И.П. Котляревского. Кулиш связывал имя В.А. Гоголя с попытками украинцев создать народный театр [8, с.19].

Позже профессор Н.И. Петров посвятил В.А. Гоголю отдельный раздел в книге «Нариси історії української літератури» (1884). Здесь исследователь указывал, что его комедии могли быть созданы в период между 1822 и 1825 годом. Н.И. Петров рассматривал В.А. Гоголя как продолжателя традиций комических опер Котляревского. Однако при этом он не считал нужным ставить эти пьесы в генетическую связь: «обе они, независимо друг от друга могли возникнуть из народных источников» [12, с.80].

Мнение Н.И. Петрова представляется убедительным. Можно говорить о сходстве сюжетных мотивов и ситуаций в указанных пьесах, которые восходят к традициям интерлюдий, интермедий украинского вертепного театра. Любимыми типами в интерлюдиях был простоватый мужик, вроде Солопия Черевика из «Сорочинской ярмарки», школьник-семинарист («помалороссийски» дьяк), казак-запорожец, цыган, польский шляхтич, еврей. Эти образы стали постоянными, как заметил В. Перетц, повторялись у

многих авторов, а «на пороге» XIX века встречаются в произведениях Гоголя-отца и Котляревского [13, с.4-5].

В литературоведении высказывались разные суждения по поводу того, какая связь существует между пьесами «Простак» В.А. Гоголя и «Москаль-чарівник» И.П. Котляревского и какая из них лучше. Суммируя разные точки зрения, можно согласиться с Е.К. Нахликом, который считает, что «каждая из этих пьес имеет свои преимущества» [10, с150]. Действительно, у Котляревского колоритнее фигуры, сложнее проблематика, а в комедии В.А. Гоголя проще композиция, лучше передана атмосфера водевиля, в меньшей степени ощущается литературная обработка. Сходство рассматриваемых пьес объясняется еще и тем, что они восходят к одной традиции — к типам и бродячим мотивам, встречающимся в интерлюдиях, в украинском вертепе, в народных анекдотах, сказках и песнях. В.В. Гиппиус небезосновательно считал, что Гоголь-отец ближе к этой традиции и типом простака, которого хитрая жена посылает на охоту с поросенком, и типом дьяка-любовника [2,12]. «Простак» Гоголя-отца, как и его пьеса «Собака-вівця», напоминают о шутках вокруг «дурного хохла», на что указывал, в частности, Н. Зеров [6, с.22-23].

Сопоставление пьес Гоголя-отца и Гоголя-сына заслуживает особого внимания. «Присутствие» водевиля «Простак» обнаруживается в первом сборнике Н.В. Гоголя не только в виде эпиграфов. Например, он берет к VI разделу «Сорочинской ярмарки» эпиграф из «Простака»: «От біда, Роман іде, от тепер якраз насадить мені бебехів, та й вам, пане Хомо, не без лиха буде» [4, с.26]. В самом содержании указанного раздела — много комических ситуаций, типов, образов, напоминающих о комедии отца. Здесь повествуется о том, как Хивря, «грозная сожительница Черевика», приглашает к себе поповича. «Дурень мой, — говорит она, — отправился на всю ночь с кумом под возы» [4, с.26]. Но если Хивря говорит так о своем муже «за глаза», то в комедии «Простак» в устах Параски слова «дурень», «дурний», «мов виродок якийсь», обращенные непосредственно к своему

мужу, звучат вполне естественно. Текст Гоголя-отца «живет» в тексте Гоголя-сына и напоминает о себе мелкими деталями, обобщенными типами глупого мужа и хитрой жены. Сравним, в «Простаке»: «П а р а с к а. Вам мабуть нудно, Хома Григорович? А може у вас соняшниця або завійниця?» [3, с.30]; в «Сорочинской ярмарке»: «А я думала уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или соняшниця пристала» [4, с.27]. В обоих произведениях наблюдается сходство сюжетных мотивов и ситуаций. В «Простаке» дьяк ждет от Параски «воздаяния», и его не удовлетворяет угощение курочкой и водкой. В «Сорочинской ярмарке» эта ситуация конкретизируется, обогащается: «сладостные приношения <...> единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна; сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек» [4, с.27].

Речь дьяка в пьесе В.А. Гоголя «Простак» архаизирована, насыщена церковнославянизмами и в этом плане напоминает речь Возного из «Наталки Полтавки» Котляревского. Для образа поповича из «Сорочинской ярмарки» это не характерно. Изъясняется он вполне понятно, но высокопарно. Хавронья Никифоровна — более яркая представительница «Евина рода», чем ее литературная предшественница Параска из пьесы В.А. Гоголя. В сцене «залищання» она соблазнительна, «жеманно застегивая свою будто нарочно расстегнувшуюся кофту» и выставляя на стол «варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченики». Данная сцена имеет много общих черт со сценой ухаживания Осипа Никифоровича за Солохой в «Ночи перед Рождеством», по-своему яркой и запоминающейся. Своим искусством обольщения дьяк здесь напоминает черта, который с ужимками целовал руку Солохи. Он подступает к ней с таким видом, «в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие». “Велеречие” дьяка проявляется в подборе эпитетов, при помощи которых он пытается расположить к себе Солоху: «великолепная», «дражайшая», «несравненная». Во всех трех произведениях — «Простаке» В.А. Гоголя, «Сорочинской ярмарке» и «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя – сцена «залищання» внезапно прекращается.

В «Простаке» появляется соцкий (кум Параски) с москалем, в «Сорочинской ярмарке» слышится «лай и стук в ворота», чудится «кумов голос», а в «Ночи перед Рождеством» — голос казака Чуба.

Для типа дьяка, который встречался в интерлюдиях, характерны такие черты, как бедность, жадность на подачки, мнимая ученость и красноречивость. Дьяк в пьесе «Простак» В.А. Гоголя наделен и “велеречием”, и мнимой ученостью. Как справедливо замечает В.А. Розов, он ближе к своим западным прототипам, это «неуклюжий селадон и волокита», который любит поесть и попить [14, с.58]. Этими же чертами характеризуется дьяк и в произведениях Гоголя-сына, который изображает его еще и трусливым. Состояние страха передается в «Сорочинской ярмарке» при помощи комических положений: «Вареник остановился в горле поповича... Глаза его выпялились ...» [4, с.28]. В «Ночи перед Рождеством» Осип Никифорович боится, что «дойдет до отца Кондрата! ..», а также до «его половины, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую» [4, с.111]. Похожи и финальные эпизоды в рассматриваемых сценах: Параска отправляет дьяка под прилавок, Хавронья Никифоровна отсылает своего поповича «на положенные под самым потолком доски, на которых была навалена всякая разная домашняя рухлядь», а Солоха прячет Осипа Никифоровича в мешок. Таким образом, мы видим, что Н.В. Гоголь разнообразит не только тип простака, «глупого мужа», часто встречающийся в старинных интерлюдиях, но и тип дьяка, ставя его в разные комические ситуации и варьируя данный тип в «Сорочинской ярмарке» и «Ночи перед Рождеством».

В «Вечерах» Гоголя получает дальнейшее развитие и тип хитрой, бойкой, острой на язык бабы, который часто встречается в народных сказках, анекдотах, «жартах», а также в заимствованных, переводных произведениях.

Интертекстуальные «переклички», связи «Вечеров» Н.В. Гоголя с предшествующей литературной традицией, в частности, с творчеством своего отца, свидетельствуют о литературном характере многих образов и

ситуаций, созданных начинающим писателем. Однако они нисколько не умаляют сделанного им, а наоборот, свидетельствуют об умении придать традиционному сюжету, образу, мотиву своеобразный колорит, учитывая специфику прозаического текста. Лаконические намеки, водевильные моменты, которые наблюдаем в пьесе «Простак» В.А. Гоголя, модифицируются, получают дальнейшее развитие, подвергаются поистине творческой переработке, иногда изменяясь до неузнаваемости. Так, дьячок-ловелас по имени Хома Григорьевич из пьесы Гоголя-отца, безусловно, напоминает Афанасия Ивановича из «Сорочинской ярмарки». Но, кроме этого, в «Вечерах» герой с таким же именем появляется в совсем иной роли — занимательного рассказчика. Он упоминается в предисловиях, от его имени ведется повествование в «Вечере накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоте», «Заколдованном месте». Н.И. Петров считает, что роль занимательного рассказчика передана дьячку небезосновательно: «По старым преданиям сельские громады при выборе себе дьяков требовали от них юмора в простонародном духе, для этого дьяк должен был произнести с колокольни юмористическую речь» [12, с.60].

Сравнение «Вечеров» с предшествующей литературной традицией подтверждает правомерность суждения о том, что Н.В. Гоголь в первых повестях является преимущественно художником-завершителем предыдущего периода украинской литературы [13, с.3]. Об этом свидетельствует тесная связь первых его повестей с украинским фольклором, творчеством Котляревского, Гулака-Артемовского, произведениями своего отца, которого по праву считали талантливым писателем.

Межтекстовые связи «украинских» повестей Н.В. Гоголя с комедиями В.А. Гоголя можно отнести к бессознательным повторениям или заимствованиям. В свое время В.Перетц отметил, что Гоголь не скрывал источников своих сюжетов: «Так поэт захватывает частицы сделанного до него и часто из обломков воспринятых впечатлений строит по новому плану здание своего творчества» [13,8]. Обратившись к литературному опыту отца,

Гоголь учился мастерству создания комических ситуаций, национальных характеров, простонародных типов, жанровых сцен. Его раннее творчество тесно связано не только с русской, но и с украинской литературной традицией.

Среди разнообразных источников, которые повлияли на творчество раннего Гоголя и способствовали его литературному становлению, следует отметить также творчество И.П. Котляревского.

1809 год – год рождения Н.Гоголя был ознаменован в украинской культуре примечательным событием. В этом году в Петербурге вышло в свет третье издание «Энеиды» Котляревского в четырех частях, подготовленное к печати самим автором, исправленное и дополненное по сравнению с предыдущими изданиями. Когда Гоголь учился в Полтавском поветовом училище (1818-1819 гг.), Котляревский был одним из директоров Полтавского театра (на этой должности он находился в период с 1818 по 1821 гг.). В 1819 году на сцене Полтавского театра впервые были поставлены пьесы Котляревского – «Наталка Полтавка» и «Москаль-чарівник».

Гоголь с детских лет знал и любил творчество своего знаменитого земляка. В его подручной энциклопедии, которая имела название «Книга всякой всячины», в разделе под названием «Эпиграфы» выписано 22 (!) эпиграфа из «Энеиды» Котляревского. Проанализировав эти эпиграфы, В.В. Гиппиус обратил внимание на то, что они связаны между собой, и пришел к выводу, что Гоголь задумал сюжет комической бытовой повести, литературным фоном для которой была «Энеида» Котляревского [2, с.26-29]. В гоголеведении существует мнение, что эти эпиграфы были вписаны Гоголем в «Книгу всякой всячины» не позднее 1829 года.

В то время «Энеида» Котляревского пользовалась успехом не только в Полтаве, но и в Петербурге. О. Сомов в статье «Обзор российской словесности за 1828 год», опубликованной в «Северных цветах на 1829 год», дал высокую оценку этому произведению. В то время писатели-романтики пытались решить проблему народности и обращались к народным

источникам. Котляревский привлекал их своим опытом изображения народной жизни.

Когда Гоголь приехал в северную столицу, он сообщил в письме к матери от 30 апреля 1830 года: «здесь так занимает всех все малороссийское» [5, с.26-29]. Есть все основания считать, что при этом он имел в виду, кроме других источников, и творчество своего земляка.

Котляревский в своей бурлескно-трагической поэме превратил троянцев из «Энеиды» Вергилия в украинских казаков, а греко-римских богов – в украинских панов. Традиция трагедии, как отмечает Д.Чижевский, заключается в том, что ее авторы изменяют определенную историческую и национальную окраску произведения, заменяя ее другой [16, с.319]. Н.Гоголь, продолжая традиции Котляревского, делает героями первых своих произведений украинских казаков, украинских панков, украинских девушек и т.д. Он одевает их в украинские костюмы, описывает народные обычаи, народный быт и т.д. Элементы бурлеска, распространенные в «Энеиде» Котляревского, встречаются во многих произведениях начинающего писателя.

Идейно-эстетическая близость творчества Котляревского и раннего Гоголя заключается в природе смеха в «Энеиде» и «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Смех и Котляревского, и Гоголя органично связан с народной смеховой культурой. Ему свойственно сочетание высокого и низкого, комического и серьезного, обыденного и героического. Выводы М.М. Бахтина о том, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» звучит «чистый народно-праздничный смех», который имеет амбивалентный характер, можно распространить и на «Энеиду» Котляревского [1, с.485]. Смех и Котляревского, и Гоголя связан с эстетикой бурлеска. Между писателями существует типологическая близость, которая объясняется их интересом к украинскому быту и особенностям его изображения. И в «Энеиде», и в «Вечерах» большую роль играет культ еды и питья. Тексты и одного и другого произведения пестрят названиями блюд и напитков, что в

значительной степени конкретизирует представления о жизни украинского этноса.

У Н.Гоголя и И.Котляревского заметна также определенная близость в отношении к слову. Слово у автора «Энеиды», по определению Д.Чижевского, является материалом для «мовних іграшок», то есть, материалом для словесной игры. Игра словесным материалом наблюдается и у автора «Вечеров», но Гоголь «играет» по своим правилам, он обращается со словом иначе, чем Котляревский.

Известно, что из 22 эпитафий, выписанных из «Энеиды» Котляревского, Гоголь воспользовался только тремя. Он вписал их в 3,4 и 8 разделы повести «Сорочинская ярмарка». Все эпитафии тесно связаны с основным содержанием разделов, что является прямым доказательством сюжетных перекличек между указанными произведениями. Например, эпитафия к третьему разделу – «Чи бачиш, він який парнище? На світі трохи єсть таких. Сивуху так, як брагу хлище!» – оттеняет некоторые черты характера Грицька Голопупенка. Исследователи считают, что выбирая этот эпитафия, Гоголь использовал одну из рукописных копий, которые были распространены в Украине [12]. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые расхождения между цитатой, позаимствованной из поэмы Котляревского (эпизод битвы между Энтеллом и Даресом) и печатным текстом «Энеиды». Кроме того, влияние Котляревского ощутимо и в реакции Солопия Черевика на поведение будущего зятя. Увидев, как лихо Грицько «налил кружку величиною с полкварти и, нимало не поморщившись, выпил до дна», Солопий обратился к Параске: «Какого жениха я тебе достал! Смотри, смотри, как он молодецки тянет пенную!..» [4, с.23]. Данный отрывок ассоциируется с аналогичными высказываниями Зевса из «Энеиды» Котляревского: «Зевес тоді кружляв сивуху // І оселедцем заїдав; // Він сьому випивши восьмуху, // Послідки з кварти виливав» [7, с.44].

Все вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что пьесы В.А. Гоголя, а также произведения И.П. Котляревского оставили заметный

след в первом сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Каждый из указанных писателей ощущал на себе влияние украинской фольклорной традиции, но это не помешало им идти своей дорогой в литературе.

Литература:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М., 1975.
2. Гиппиус В.В. Гоголь. — Л., 1924.
3. Гоголь В.А. Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом // Основа. — 1862. — № 2. — С.24-43.
4. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. — Т.1. — М., 1984.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. — Т.7 (Письма). — М., 1986.
6. Зеров М.К. Драматичні твори І.П.Котляревського // Зеров М.К. Твори: У 2 т. — Т.2. — К., 1990.
7. Котляревський І.П. Повне зібрання творів. — К., 1969.
8. Куліш П.О. Несколько предварительных слов // Основа. — 1862. — № 2. — С.19-23.
9. Кулиш П.А. /Николай М./ Записки о жизни о жизни Николая Васильевича Гоголя: В 2 т. — СПб., 1856. — Т.1.
10. Нахлік Є. “Наталка Полтавка” і “Москаль-чарівник” в оцінці П.Куліша // І.П.Котляревський — перший класик нової української літератури. Зб.наукових статей. Ч.2. — Полтава, 1998. — С.144-151.
11. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. — М.-Л., 1928.
12. Петров Н.И. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. — К., 1884.
13. Перетц В. Гоголь и малорусская литературная традиция. — СПб., 1902.
14. Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII-XVIII вв. и юношеские повести Гоголя. — К., 1911.
15. Сперанский М.И. Заметки к истории «Энеиды» Котляревского. — Львов, 1902.
16. Чижевський Д.І. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). — Тернопіль, 1994.